

COVENANT & CONVERSATION

ЭССЕ ОБ ЭТИКЕ

РАББИ ЛОРД ДЖОНАТАН САКС, ЗЕХЕР ЦАДИК ЛИ-ВРАХА

ПЕРВОНАЧАЛЬНО НАПИСАНЫ И ОБНАРОДОВАНЫ В 5775 ГОДУ

Благодарим организацию "Уол легаси" (Wohl Legacy) за щедрую спонсорскую поддержку Covenant & Conversation. Морис был дальновидным филантропом. Вивьенн была глубочайше скромной женщиной. Вместе они представляли собой уникальный тандем - преданный своему делу и милосердный, "жить" значило для них "жертвовать".

Перевод с английского Светланы Силаковой

Труд как проявление благодарности

«Тецаве»

В недельной главе «Тецаве» в иудаизм входит кое-что новое — *Тора коаним*, мир и мировоззрение священника. Оно быстро сделалось одним из главных аспектов иудаизма. Тора коаним преобладает в следующей книге Торы — «Ваикра». Однако до нашей недельной главы священники присутствовали в Торе как бы вовсе на обочине событий.

В нашей недельной главе мы впервые встречаем идею наследственной элиты внутри еврейского народа: Аарон и его потомки мужского пола, те, кому было поручено служение в Святилище. В Торе впервые говорится о *церемониальных одеяниях*: об одеждах священников и первосвященника, облачениях, которые надевали, чтобы совершать обряды в сакральном пространстве. Также мы впервые встречаем выражение, употребленное при описании этих облачений: «лекавод уле-тиферет» — «для славы и красоты»¹ (Шмот, 28:2). Дотоле «кавод» в значении «слава» или «честь» относилось только к качествам Б-га. Что касается «тиферет», то здесь оно появляется в Торе впервые. Это раскрывает перед нами очередной аспект иудаизма, а именно эстетический.

Все эти явления имеют отношение к Мишкану — Святилищу, теме предшествующих глав. Они рождаются из затеи построить в ограниченном пространстве «дом» для безграничного Б-га. Однако здесь я хочу задать вопрос: есть ли у этих явлений хоть что-то общее с *нравственностью* — с образом жизни, к которому призывали сынов Израиля, с их взаимоотношениями между собой? А если есть, то в чем состоит это общее звено? И почему священство появляется именно в этот момент истории?

В иудаизме религиозную жизнь обычно разделяют на два аспекта. Были священство и Святилище, а были пророки и народ. Священники делали упор на отношениях народа с Б-гом — «мицвот бейн адам ла-Маком». Пророки делали упор на отношениях людей друг с другом — «мицвот бейн адам ле-хаверо». Священники надзирали за обрядами, пророки говорили об

¹ Так в английском переводе. В русском переводе Д. Сафронова под редакцией А. Графова: «для славы и великолепия». — *Примеч. перев.*

этике. Одна группа пеклась о сакральности, другая — о добродетели. Чтобы быть добродетельным, необязательно быть святым. Чтобы быть святым, надо быть добродетельным, но это, так сказать, «правило вступления» в число святых, а не суть святости. Дочь фараона, которая спасла Моше в младенческом возрасте, была добродетельной, но не святой. Это два разных понятия.

Я попытаюсь оспорить вышеизложенное представление. Священство и Святилище оказали решающее влияние на нравственную жизнь, а не только на духовную. Понять, каким образом они его оказали, важно не только для осмысления истории, но и для того, какую жизнь мы ведем сегодня. Разобраться в этом мы можем, рассмотрев несколько недавних экспериментов в области психологии нравственности.

Начнем с психолога Джонатана Хайдта и его книги «Праведный ум»². Хайдт утверждает, что в современных секулярных обществах *спектр* нравственных чувств крайне сузился. Такие общества он называет аббревиатурой WEIRD³ — Western, educated, industrialized, rich, democratic⁴. Эти общества обычно полагают, что более традиционные культуры — косные, с узким кругозором, репрессивные. А представители этих традиционных культур обычно считают представителей Запада странными, поскольку те отказались от многих элементов содержания нравственной жизни.

Приведем пример не из области нравственности. Сто лет назад в большинстве британских и американских (нееврейских) семей обед был обставлен многочисленными формальностями. Члены семьи обедали вместе и приступали к трапезе только после того, как все садились за стол. Начинали с благодарственной молитвы, выражая Б-гу признательность за пищу, которую собирались вкушать. Членам семьи еду подавали (или они брали свои порции из общей посуды) в строгой очередности — сначала кому-то одному, затем другому. Разговоры за столом регулировались общественными условностями. Некоторые темы можно было обсуждать, другие считались неуместными.

Сегодня все не так. У многих британцев дома даже нет обеденного стола. Недавний соцопрос показал: в половине случаев британцы едят поодиночке. Члены семьи приходят в разное время, достают еду из холодильника, разогревают в микроволновке и съедают перед телевизором или компьютером. Это уже не обед, а поочередное пользование кормушкой.

Хайдт нашел интересным тот факт, что его американские студенты сводили нравственность к двум принципам, один из которых касался вреда, другой — справедливости. О вреде они рассуждали наподобие Джона Стюарта Милля, заметившего: «Есть только одна цель, ради которой допустимо правомерно применить власть к какому-либо члену цивилизованного общества против воли этого человека, — предотвратить причинение вреда другим людям»⁵. Для Милля это был политический принцип, но он стал нравственным: если наши действия не причиняют вреда другим людям, мы имеем нравственное право делать то, что пожелаем.

Другой принцип — принцип честной игры. Не у всех совпадают представления о том, что справедливо и что несправедливо, но всех заботят базовые законы справедливости: то, что считается правильным для некоторых, должно быть правильным для всех, поступай с людьми так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой, не меняй правила в свою пользу и т. п. Первым высказыванием о нравственности из уст маленького ребенка часто становятся слова: «Так нечестно». Самое известное определение честной игры в современную эпоху сформулировал Джон Ролз: «Каждый человек имеет равные права на самые широкие свободы, которые совместимы с аналогичными свободами для всех»⁶.

² The Righteous Mind: Why Good People are Divided by Politics and Religion. New York: Pantheon Books, 2012.

³ «Странный», «чуждаковатый» (англ.).

⁴ «Западные», «образованные», «промышленно развитые», «богатые», «демократические» (англ.).

⁵ On Liberty and Other Writings / ed. Stephan Collini. New York: Cambridge University Press, 1989. P. 13.

⁶ A Theory of Justice. Cambridge, MA: Belknap Press, 2005. P. 60.

Так мыслят представители культур типа WEIRD. Если поступок не нечестен и не причиняет вреда, он позволителен в нравственном отношении. Однако — вот ключевая мысль Хайдта — есть, как минимум, еще три аспекта нравственной жизни, свойственные ее пониманию в культурах разных стран, не принадлежащих к типу WEIRD.

Первый аспект — *преданность* и ее противоположность, то есть предательство. Преданность означает, что я готов чем-то жертвовать ради своей семьи, своей команды, своих единоверцев и сограждан: ради групп, влияющих на формирование моей личности. Я серьезно отношусь к их интересам, а не только к моим личным.

Второй — *уважение к авторитетам* и его противоположность, то есть ниспровержение авторитетов. Без уважения к авторитетам невозможно существование ни единого института и, возможно, ни одной культуры. Талмуд иллюстрирует это знаменитой историей о потенциальном прозелите, который пришел к Гилелю и сказал: «Обрати меня в иудаизм при условии, что я буду признавать только Письменную Тору, а не Устную». Гилель начал обучать его ивриту. В первый день он обучил его буквам: алеф, бет, гимель. А на следующий день стал учить буквам в обратном порядке: гимель, бет, алеф. Ученик запротестовал: «Вчера ты учил меня совсем другому». Гилель ответил: «Вот видишь, тебе приходится полагаться на меня даже для того, чтобы выучить алфавит. Положись на меня и в том, что касается Устной Торы» (Шабат, 31a)⁷. Школы, армии, суды, профессиональные ассоциации и даже спорт — все держатся на уважении к авторитетам.

Третий аспект продиктован необходимостью ограждать от посягательств определенные ценности, которые, на наш взгляд, не подлежат пересмотру. Эти ценности — не моя собственность, с которой я мог бы обходиться по своему капризу. Такие вещи мы называем *священными*, неприкосновенными, к ним нельзя относиться легкомысленно, их нельзя осквернять.

Почему *преданность*, *уважение к авторитетам* и *священное* не свойственны менталитету либеральной элиты на Западе? Потому что общества типа WEIRD считают себя группами автономных индивидов, каждый из которых преследует собственные интересы, а другие индивиды вмешиваются в это по минимуму. Каждый из нас — индивид, сам определяющий свою судьбу, со своими потребностями, нуждами и желаниями. Общество должно позволять нам стремиться к осуществлению наших желаний до того предела, пока это стремление не мешает жить нам самим или другим людям. В этих целях мы разработали принципы прав человека, свободы и правосудия, благодаря которым можем мирно уживаться. Если какой-то поступок нечестен или причиняет кому-то страдания, мы готовы осудить его с нравственных позиций, но в ином случае — не готовы.

В секулярных обществах, которые держатся на рыночной экономике и либерально-демократической политике, *преданность*, *уважение к авторитетам* и *священность* не расцветают в естественных условиях. Рынок подрывает преданность. Он приглашает нас не сохранять преданность продукту, которым пользовались до сих пор, а переключиться на другой — получше, подешевле, более быстродействующий, более новый. Таким образом *преданность* — первая жертва «креативной деструкции», практикуемой рыночным капитализмом.

Уважение к авторитетным фигурам — политикам, банкирам, журналистам, главам корпораций — также снижается не первый десяток лет. Мы переживаем период, когда доверие к людям в принципе утрачивается, почтительность отмирает. Пожалуй, даже долготерпеливому Гилелю

⁷ Соответствующее место в «Источнике Якова»: «Есть история об одном иноверце, который пришел к Шамаю. Спросил: сколько у вас Тор? Сказал Шамай: «Две: Письменная и Устная». — «Насчет Письменной Торы поверю тебе, насчет Устной — не поверю. Обрати меня в вашу веру с условием, что обучишь меня [только] Письменной Торе». Прикрикнул на него Шамай и прогнал в гнев. Пошел тот к Гилелю, и Гилель обратил его. В первый день обучал его Гилель буквам: алеф, бет, гимель, далет [и так далее], а на следующий день — в обратном порядке. Сказал ему тот: но ведь вчера не так ты говорил мне! Сказал ему [Гилель]: разве ты не положился на меня в этом [в том, что касается порядка букв]? Так положись на меня и в том, что касается Устной Торы!» См.: Эйн Яков (Источник Якова): В 6 т. Т. 2. Рабби Яков Ибн-Хабиб /Пер. с иврита У. Гершовича. М.: Книжники; Лехаим, 2012. С. 69. — Примеч. перев.

оказалось бы нелегко поладить с человеком, воспитанным на кредо из песни группы «Пинк Флойд» 1979 года: «Нам не нужно образование, нам не нужен контроль над мыслями».

Если говорить о *священном*, то и оно утрачено. Брак больше не считают священным обязательством, союзом. В лучшем случае на него смотрят как на некий контракт. Сама священность человеческой жизни под угрозой, поскольку ширится практика аборт по собственному желанию (это относится к началу жизни) и «добровольного умирания с врачебной помощью» (это относится к концу жизни).

Преданность, уважение к авторитетам и священность — это ключевые нравственные ценности, они *формируют высоконравственное сообщество*, а не группу автономных индивидов. Преданность — залог уз, соединяющих индивида с группой. Уважение формирует властные структуры, благодаря которым люди могут эффективно действовать в составе команд. Священность сплачивает людей, объединяя их в общую нравственную вселенную. Соприкасаясь со священным, мы вступаем в сферу того, что масштабнее нашего «я». Уже сам факт того, что мы собираемся в кругу религиозной общины, может возвысить нас, рождая ощущение, что мы воспаряем в мир запредельного и наше самосознание сливается с самосознанием группы.

Постигнув это разграничение, мы сможем понять, как с течением времени менялась нравственная вселенная сынов Израиля. Авраам был избран Б-гом, «потому что он заповедует своим сынам и потомкам следовать путями Г-спода, творить добро и правосудие (цдака мишпат)» (Берешит, 18:19). Слуга Авраама, выбирая жену для Ицхака, искал такое качество, как милость (хесед). В глазах пророка эти добродетели — ключевые. Как сказал Ирмеяу от имени Б-га: «Пусть не гордится мудрый мудростью своею, пусть не гордится сильный силой своею, пусть не гордится богатый богатством своим! Только тот пусть гордится, кто Меня понимает и ведает! Ибо Я — Г-сподь, творящий милость, суд и правду (хесед мишпат у-цдака) на земле; только это желанно Мне» (Ирмеяу, 9:23–24).

Милость — все равно что забота, а это противоположность вреда. Праведный суд и правда в данном смысле — конкретные формы справедливости. Иначе говоря, добродетели, ценимые пророками, близки к добродетелям, преобладающим сегодня в либеральных демократиях на Западе. Таково свидетельство влияния Еврейской Библии на Запад. Но это другая история, которую мы поведаем в другой раз.

Важно, что милость и честная игра — принципы, которые регулируют взаимоотношения между индивидами. До откровения на Синае сыны Израиля были *просто индивидами*, хоть и принадлежали к одному разветвленному семейству, которое вместе пережило Исход и изгнание. После откровения на Синае сыны Израиля стали народом Завета. У них был правитель — Б-г. У них была письменная конституция — Тора. Они согласились стать «царством священников и святым народом». Однако в эпизоде с золотым тельцом проявилось, что они пока не понимают, что значит быть народом. Они были не народом, а буйной толпой. В Торе сказано: «Моше увидел, что народ развращен, что Аарон распустил его — врагам на посмешище». Так выглядел кризис, ради урегулирования которого потребовались Святилище и священство. Святилище и священство превратили евреев в народ.

Служба в Святилище, совершавшаяся коаним в одеждах, в которые они облачались «ле-кавод» — «для чести», — установила принцип уважения к авторитетам. Мишкан воплощал принцип *священности*. Святилище, помещенное в середине стана, и служение, которое в нем совершалось, превратили сынов Израиля в сообщество с Б-гом в центре. И даже невзирая на то, что после разрушения Второго храма больше не было ни Святилища, ни священнослужителей, совершавших соответствующие обряды, евреи нашли им замену, которая несет ту же функцию. Вклад Торат коаним в иудаизм — это, так сказать, «хореографическая» слаженность священности и уважения к авторитетам, помогающая евреям идти и «танцевать» вместе, в качестве народа.

Здесь окажутся актуальны выводы из еще двух научных исследований. Ричард Сосис проанализировал ряд общин, созданных в разные годы XIX века различными группами: одни были религиозными, другие — секулярными. И обнаружил, что срок существования религиозных коммун *в среднем более чем вчетверо превышал* срок существования секулярных. Как оказалось, религиозный аспект содержит в себе нечто важное и даже неотъемлемо существенное для сохранения общины⁸.

Теперь, на основании большого массива данных нейронаук, мы знаем, что делаем выбор, руководствуясь эмоциями, а не рациональными соображениями. Люди с повреждениями участков мозга, отвечающих за эмоции (особенно вентромедиальной префронтальной коры), могут очень детально анализировать альтернативные варианты, но не в состоянии принимать верные решения. Один интересный эксперимент показал: литературу по этике воруют из читальных залов или не возвращают на библиотечный абонемент чаще, чем литературу по другим областям философии⁹. Другими словами, умение рассуждать о нравственности необязательно делает нас высоконравственными. Мы часто прибегаем к доводам рассудка, чтобы рационально обосновать выбор, продиктованный эмоциями.

Это объясняет, почему у служения в святилище был эстетический аспект. Служение отличалось красотой, торжественностью и величием. Во времена Храма в нем звучала музыка. Хоры левитов пели псалмы. Красота апеллирует к эмоциям, а эмоции — к душе, вознося нас на вершины любви и благоговения так, как не может вознести разум, помогая нам воспарить над тесной скорлупкой нашего «эго» и войти в круг, в центре которого — Б-г.

Святилище и священство впервые привнесли в еврейскую жизнь этику кдуши — сакральности, укрепившей такие ценности, как преданность, уважение к авторитетам и священное. Они создали атмосферу *благоговения*, смирения, которое ощутили люди, обретя символы присутствия Б-га среди народа. Как написал в знаменитом пассаже в «Путеводителе растерянных» (III:51) Рамбам, мы же не ведем себя в присутствии короля так, как в присутствии наших друзей или родных. В Святилище люди чувствовали, что находятся в присутствии Короля, Царя, Монарха.

Благоговение придает прочность обрядам, церемониям, общественным условностям и этикету. Оно помогает превратить автономных индивидов в группу, способную проявлять коллективную ответственность. Без преданности вы не сможете сохранить ни национальное самосознание, ни даже брак. Без уважения к авторитетным фигурам не сможете социализировать следующие поколения. Без чувства священного не сможете отстоять человеческое достоинство — ценность, не подлежащую пересмотру. Этим объясняется то, почему этику пророков — этику правого суда и сострадания — следовало дополнить этикой священнослужителей — этикой священности.

www.RabbiSacks.org   @RabbiSacks

The Rabbi Sacks Legacy Trust, PO Box 72007, London, NW6 6RW • +44 (0)20 7286 6391 • info@rabbisacks.org

© Rabbi Sacks • All rights reserved

⁸ Religion and Intragroup Cooperation: Preliminary Results of a Comparative Analysis of Utopian Communities // Cross-Cultural Research. 34, No. 1 (2003). P. 11–39.

⁹ Haidt. P. 89.